

Richard Bach

.

Illusions II

The Adventures of a Reluctant Student

Ричард Бах

•

Иллюзии II

Приключения одного ученика, который
учеником быть не хотел

«сория» 2 0 1 6

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
БЗ0

Перевод с английского Е. Мирошниченко

Бах Ричард

БЗ0 Иллюзии II: Приключения одного ученика,
который учеником быть не хотел / Перев. с англ. —
М.: ООО Книжное издательство «София», 2016. — 128 с.
ISBN 978-5-906686-76-3

«Иллюзии-II» — история, способная серьезно вдохновить тех, кто находится в поисках более духовно богатой и насыщенной жизни, и привести к глубокому пониманию нашего существования в пространстве и времени, которое мы привычно называем жизнью и смертью.

После авиакатастрофы, в госпитале, когда автор лежал в коме, ему открывается новый уровень сознания. На протяжении всего своего путешествия Ричард Бах, в измененном состоянии сознания, встречается с бывшим Мессией Дональдом Шимодой, с Чайкой Джонатаном и другими своими Ангелами-Хранителями...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

Illusions II
Copyright © 2013 by Richard Bach
Published by arrangement with
Alternate Futures Incorporated. All Rights Reserved.

ISBN 978-5-906686-76-3

© ООО Книжное издательство «София», 2014

*То, что гусеница называет концом света,
мастер называет бабочкой.*

ВВЕДЕНИЕ

«Иллюзии».

Я был уверен, что у этой книги никогда не будет продолжения. Прибавить к ней хоть одно слово? Переделать историю?

Невозможно.

Я был уверен в этом в течение тридцати пяти лет после публикации книги, вплоть до 31 августа 2012 года.

В тот день впервые за мою летнюю жизнь — а за пятьдесят восемь лет пилотирования я не получил ни единой травмы — у меня возникла небольшая проблема. В результате я сам в течение нескольких дней был практически мертв, а мой самолет разбился вдребезги.

Пока меня везли на вертолете в больницу, я пребывал в блаженных грезах. Врачи видели: я явно собираюсь умереть — и делали все, что было в их силах, чтобы все же спасти мое почти уже безжизненное тело.

Очнувшись неделю спустя, я был неприятно удивлен: больничная палата!

До чего же легко умирать, когда ты уже побывал за порогом этого мира и знаешь, что «смерть» — это очень красивая и желанная часть жизни. Никакой боли, никаких страданий, никаких стрессов, безупречное здоровье.

Когда я вышел из комы, мне сказали, что поправиться я буду около года: нужно заново научиться говорить, стоять, ходить, бегать, читать, водить машину, управлять аэропланом. А самолет мой превратился в грудку обломков!

Не знаю, зачем я выжил, — возможно, за порогом смерти я дал какие-то обещания? У меня с самого начала не было ни малейших сомнений, что *Пафф* — мой гидросамолет — непременно взлетит снова.

На пути в свой сегодняшний день у меня было крушение самолета, и околосмертный опыт, и твердая уверенность Сабрины в том, что я полностью оправлюсь от полученных травм, и общение с Мессией Дональдом Шимодой из «Иллюзий» и с другими моими учителями, и восстановление *Пафф*... о чем, собственно, и пойдет речь в этой повести.

Нет благословения, которое не может обратиться бедствием, и нет бедствия, которое не может обратиться благословением.

Жестокие бедствия, всегда ли они оборачиваются благословением? Надеюсь, да. Надеюсь, впредь я смогу переживать свои маленькие тихие приключения и писать о них — и для этого мне больше не потребуется умирать.

Ричард Бах, декабрь 2013 г.

34. *Пройдя испытания, которые он сам для себя выбрал, Учитель ушел, чтобы жить вне Земли. Со временем он понял, что есть нечто более высокое, чем судьба Мессии, — быть не учителем для тысяч людей, но ангелом-хранителем для одного.*

35. *Что ему не удалось сделать для толп на Земле, Учитель сумел сделать для одного друга, который прислушивался к своему ангелу и доверял ему.*

36. *Этому другу нравилось видеть в своем воображении бессмертного спутника, дающего ему подсказки на перекрестках миров пространства-времени.*

37. *Когда его смертный искал понимания, Учитель подбрасывал ему идеи, используя для этого язык совпадений, событий и приключений на жизненном пути.*

38. *Учитель нашептывал истории и задавал задачи — а смертный друг полагал, что они являются плодами его собственного воображения. Эти рассказы смешивались с другими иллюзиями, порожденными людскими верованиями, и смертный описывал на бумаге все то, что видел внутри себя.*

39. *Под воздействием этих рассказов изменялись и верования смертного. Он перестал быть пешкой в чужих руках и*

сделался творцом собственной судьбы — стал зеркалом своего наивысшего «Я».

40. Учитель больше уже не был неким удаленным в пространстве-времени спасителем. Он превратился в практического наставника, предлагающего все новые и новые неожиданные уроки, все более и более совершенные идеи, которые помогали его смертному глубже понять саму жизнь.

41. По замыслу Учителя каждое испытание — или большинство из них — должно было представлять собой все более серьезный вызов для его смертного, и кажд... **писатель Ричард Бах в критическом состоянии доставлен в субботу в медицинский центр Харборвью. Врачи говорят о повреждении позвоночника и серьезной черепно-мозговой травме. Это стало результатом крушения экспериментального самолета-амфибии, на котором летел Бах. При посадке самолет зацепился за провода высоковольтной линии электропередач, после чего летательный аппарат перевернулся и ударился о землю, а пилот в бессознательном состоянии остался в кабине. Между тем в непосредственной близости от места падения — там, где высоковольтные провода упали на землю, — начал разгораться пожар. Ныне писатель пребывает в коме.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Бог никого не защищает.
Каждый неуязвим изначально.*

Приземление прошло безупречно... Поверьте, я редко использую это слово для характеристики своих полетов. За пару секунд до того, как шасси нашупали земную твердь, они тихим золотистым шепотком прошуршали по высокой траве. Не так уж часто мне удается слышать этот дивный звук, издаваемый колесами, когда они все еще в полете, еще не коснулись земли. *Безупречно.*

Однако едва колеса коснулись луга, я перестал видеть. Это не похоже на отключение сознания — ощущение, как если бы кто-то опустил перед моими глазами матовое пластиковое забрало шлема.

Ни звука. Трава, колеса, шелест ветра... все утихло. «Я уже не лечу, — сказал я себе. — Как странно. А мне казалось, будто я лечу. Да это же сон!»

Эта мысль не пробудила меня и даже не поколебала структуру сна. Я стал терпеливо ждать, когда забрало поднимется и мы перейдем ко второй части сновидения.

Кажется, тьма отступила весьма нескоро.

Где-то вдалеке послышался тишайший звук — песенка колибри. Жужжание все время изменяло свою тональность, увлекая сновидца вперед и вверх, вслед за музыкой.

Затем жужжание понемногу растаяло, а сновидение продолжилось.

Забрало исчезло. Я обнаружил себя в некоем помещении, парящем высоко в летнем полуденном небе. В стене было окно, через которое я мог обозревать землю с высоты в пятнадцать сотен футов. Дивная картина: яркий изумруд деревьев, листва, искрящаяся на солнце, река с глубокими и спокойными водами цвета морской волны, мост, небольшой городок...

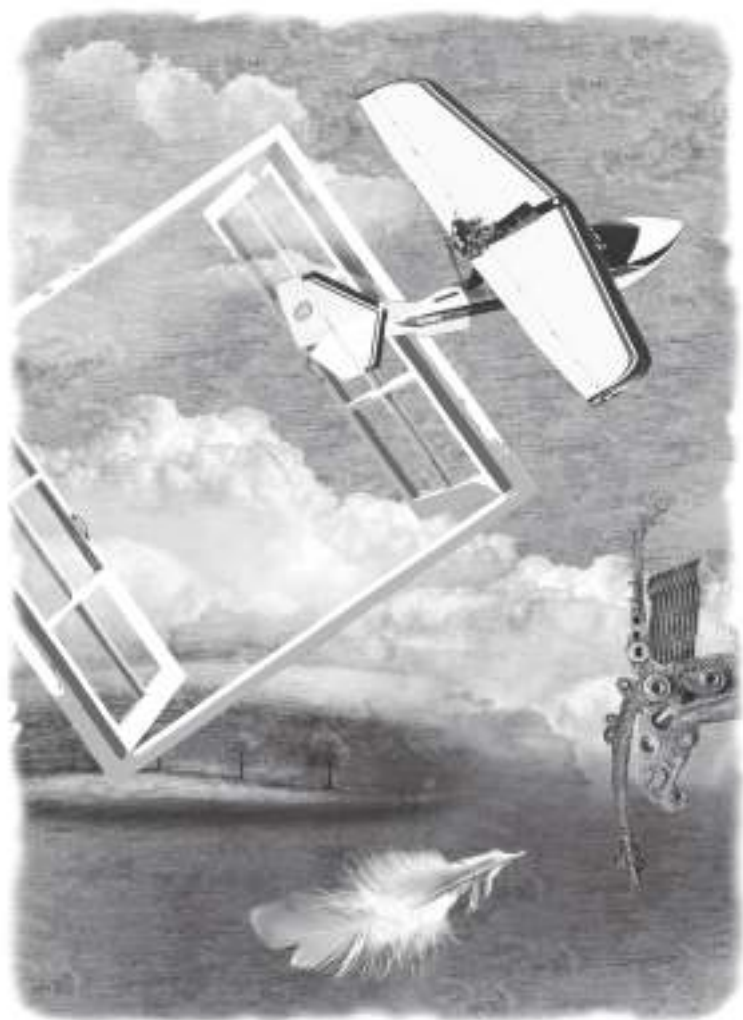
На поле неподалеку от города я увидел детей. Они встали в круг и играют в игру, которой я не могу припомнить.

Я нахожусь в гондоле дирижабля, какие летали лет сто назад, хотя сам баллон не виден. Ни пилотов, ни рычагов управления — никого, с кем можно было бы поговорить. Нет, не гондола. Что же это за летательный аппарат?

Слева от меня расположена большая дверь с запором, какие бывают в самолетах. На ней табличка:

«Эту дверь не открывать».

Едва ли я нуждаюсь в этом предостережении, ибо падать до земли весьма далеко. Я не двигаюсь. Дирижабль не двигается. Что удерживает это помещение в воздухе?

Вдруг в моем сознании возник вопрос:

«Хочешь остаться — или вернешься обратно?»

Забавно, что мне приснился такой вопрос. И я подумал, что, пожалуй, хочу жить дальше. Перспектива посмертной жизни, конечно, очень заманчива, но у меня есть причина вернуться.

Что за причина? Откуда-то мне известно, что самый дорогой мне человек молится о моей жизни. Моя жена? Почему она молится?

Со мной все в порядке, я не ранен, я вижу сон! Смерть — это путешествие, которое мне предстоит совершить когда-то в будущем, но не сейчас. Мне бы хотелось остаться здесь, но придется вернуться ради нее.

И снова:

«Сделай выбор. Хочешь ли ты остаться, либо же вернешься к своим верованиям о жизни?»

На этот раз я задумался глубже. Я долго и очарованно размышлял о смерти. Вот он, шанс исследовать все то, что может показать мне это пространство. Ведь это совсем не тот мир, который был мне всегда знаком. Я понял, что нахожусь по ту сторону жизни. Возможно, следует немного задержаться тут. Нет. Я люблю ее. Мне необходимо снова ее увидеть.

«Может быть, все же останешься?»

Не хочется уходить из жизни вот так, внезапно, даже не попрощавшись с ней. Перспектива остаться тут кажется очень соблазнительной, но ведь это не смерть, это сон. Я проснусь! Пожалуйста! Да, я уверен.

В тот же миг комната, или гондола, исчезла, и на полсекунды я увидел под собой тысячи папок для документов и в каждой из них — один из вариантов жизни. Я нырнул в одну из них — и все остальные исчезли.

Открыв глаза, я обнаружил себя в больничной палате. Еще один сон. Сейчас проснусь окончательно.

Никогда мне не снились больницы — я их терпеть не могу. Не пойму, что я тут делаю, но знаю, что нужно отсюда уйти поскорее. Я лежу на больничной койке, и к моему телу откуда-то тянутся пластиковые трубки. Не слишком-то уютное местечко. Монитор с непонятными графиками. Мои руки привязаны к перильцам кровати.

Где я? Привет, я проснулся! Пусть же и этот сон растает — пожалуйста!

Никаких перемен. Похоже, все это реально, — прости, Господи.

У кровати знакомая женщина — моя жена? Нет... Но я знаю, что люблю ее. Она потянулась ко мне — невероятно усталая, но теплая, любящая и счастливая. Как же ее зовут?

— Ричард! Ты вернулся!

Ничего не болит. Почему же я прикован ко всему этому непонятному оборудованию?

— Привет, солнышко, — сказал я. Мой голос... я словно говорю на чужом языке — хромые ломаные слоги.

— Хорошо-то как, дорогой мой! Привет! Ты вернулся, — из ее глаз потекли слезы. — Вернулся... — она отвязала мои руки.

Не пойму, почему я здесь, почему она плачет. Есть ли какая-то связь между этим странным местом и моим сном? В любом случае, нужно выяснить, что тут происходит.

Но мне необходимо заснуть — сбежать из этой ужасной палаты. Через минуту, все еще улыбаясь своей женщине, я снова погрузился в забытие. Без снов, без сознания, без боли, но с усталостью — я снова ускользнул из бодрствования в кому.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Прежде чем поверить, мы выбираем,
во что хотим поверить.
А потом проверяем свою веру на истинность.*

Когда я опять пришел в себя, палата никуда не делась. И женщина осталась на месте.

— Ну как ты?

«Моя жена, — подумалось мне. — Не помню, как зовут. Не жена. Возлюбленная».

— Я в порядке. А где это мы? Какие-то провода, трубки... Что происходит? Зачем все это? Давай смоемся отсюда?

Моя речь похожа на рваное облако — это даже почти не по-английски.

Она явно недосыпала.

— Ты изрядно покалечился, — сказала она. — Зацепился за провода при приземлении...

«Чепуха, — подумалось мне. — Никаких проводов я не видел. Авария? Не было никакой аварии. За пятьдесят с лишним лет полетов я и близко никогда не подлетал к проводам. И еще я помню шуршание шин по траве».

— Провода были уже на земле?

— Говорят, ты зацепился за них, когда был еще довольно высоко в воздухе.

— Чепуха. Они что-то путают. Я был уже в считанных дюймах от земли.

— Ладно. Путают так путают. Главное, что ты жив, дорогой ты мой, — она смахнула слезу со щеки.

— Мне что-то приснилось, вот и все. Я спал несколько минут, максимум полчаса.

Она покачала головой:

— Семь дней. Я все время была здесь, рядом с тобой. Врачи сказали, что ты можешь выкарабкаться, а можешь и... умереть от...

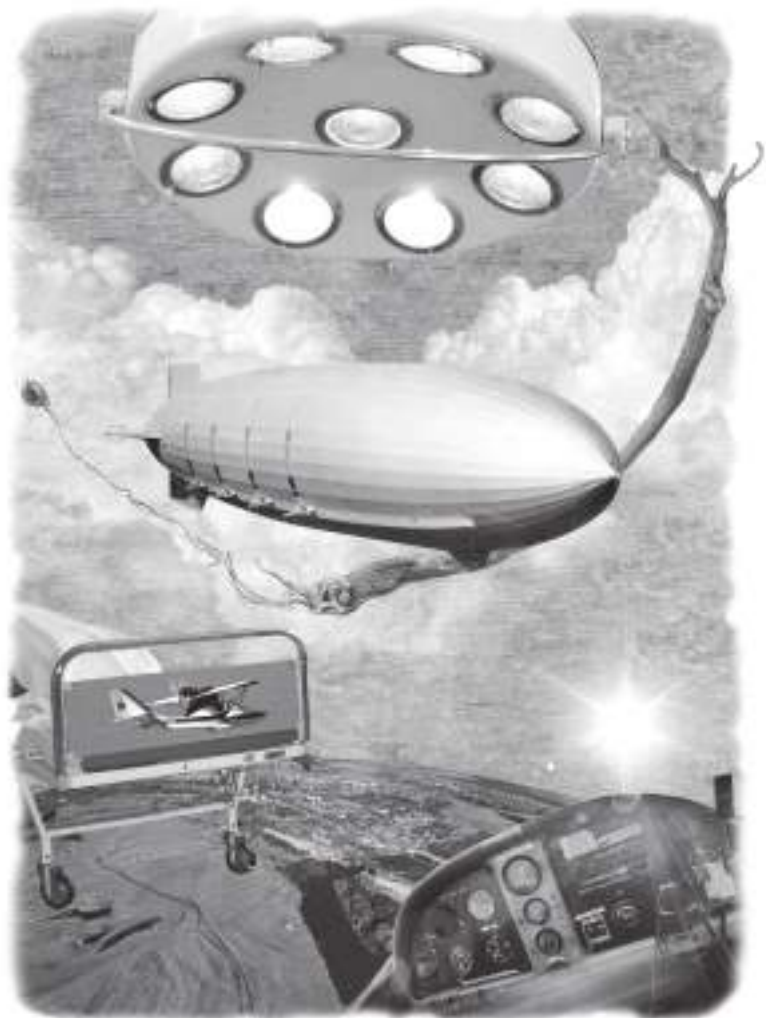
— Милая! Я в порядке!

— Ты сейчас под сильнейшими лекарствами. Несколько дней ты был подключен к дыхательному аппарату, к энцефалографу, к куче всяких приборов. Твое сердце... оно билось слишком быстро. Врачи беспокоились, что оно остановится.

— Быть такого не может! Я прекрасно себя чувствую.

Она улыбнулась сквозь слезы. И этой улыбкой словно бы тысячу раз сказала: «Ты — совершенное проявление совершенной Любви, здесь и сейчас. И тебя ждет совершенное исцеление. У тебя не останется никаких увечий».

Так я впервые услышал то, что потом она будет без устали твердить врачам, медсестрам и мне самому в течение целой недели. А потом станет говорить

то же самое уже одному только мне в течение года. Она будет повторять это мне снова и снова. И ее слова сбудутся.

Она будет твердить, что я полностью поправлюсь. А вот медперсоналу такой исход представлялся крайне маловероятным.

Но я знал, что она права. Даже если бы я был покалечен, то со временем полностью поправился бы. Но я не покалечен!

У меня был вопрос:

— Ты на машине?

— Да, — ответила она, но при этом отрицательно покачала головой.

— Мы можем уехать прямо сейчас?

— Ты пока не готов.

Долгая пауза. Следующий вопрос:

— Может быть, я могу вызвать такси?

— Повремени немного.

Вопросы кружатся у меня в голове роем мотыльков. Что произошло? У меня ведь не жизнь, а сказка. Почему же я в больнице?

Да, некоторые мои друзья разбивались на самолетах, но не я! Неужели случилось крушение? Но почему? У меня не было никаких причин нанести вред моей *Пафф* — моей маленькой амфибии, — а у нее не было причин вредить мне. Это не моя жизнь. Я приземлился безусловно, и уж точно ничего не повредил. Что происходит?

Я задумался о том, кто *она*. Мы очень близки, но она мне не жена!

Я постарался припомнить, но ответ не пришел. Я снова свалился в кому. Но она знает, что я вернусь. Знает, что я поправлюсь. Окончательно.

Когда я соскальзывал в забытие, она произнесла:

— Ты — совершенное проявление совершенной Любви, здесь и сейчас. У тебя не останется никаких увечий.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Если мы хотим завершить свою жизнь выше,
чем начали, следует ожидать,
что дорога будет идти в гору.*

На следующий день в больницу пришел мой друг Джефф, летчик и механик.

— Привет, Ричард. Надеюсь, ты в порядке.

— Все хорошо, если не считать всех этих подключенных ко мне трубок, — мой голос немного окреп, хотя и остается все еще чуть надломленным. — Сегодня же от них избавлюсь.

— Будем надеяться.

— Что там с этим крушением? Ты забрал Пафф? Доставил ее домой?

— Да.

— Она не поцарапалась при посадке?

Джефф на миг задумался, рассмеялся:

— Есть парочка царапин.

— Но откуда они? — я вспомнил свою картину приземления. Так мягко.

Джефф пристально посмотрел на меня:

— Похоже, ты зацепился за провода довольно высоко над землей. Правым колесом. Ну и дальше, сам понимаешь...

— Не может быть. Не видел я никаких проводов и крушения не помню. Я помню момент перед тем, как все потемнело. Колеса уже теребили траву и должны были вот-вот коснуться земли...

— Наверное, то была какая-то другая посадка. Не эта, Ричард. *Пафф* потеряла управление на высоте в сорок футов.

— Да ты шутишь!

— Если бы. Я там сделал фотографии. Когда колесо зацепилось за провода, *Пафф* перевернулась вверх тормашками, свалила пару столбов, и от искр загорелась сухая трава — несколько небольших очагов. *Пафф* ударилась о землю правым крылом, потом хвостом и рухнула на спину. За эти решающие пару секунд *Пафф* успела смягчить удар. Она все приняла на себя — а тебе досталось совсем немного.

— А я вроде бы помню...

— Удивляюсь, что ты вообще что-то помнишь. Жуткое крушение.

— Но у меня ничего не болит, Джефф. Полет сменился сном. Некоторое время я ничего не видел, а потом... оказался в каком-то другом месте.

— Вот и хорошо. Потому что там, после крушения, веселого было мало. Какой-то мужчина вытащил тебя из кабины. Потом прилетел вертолет, чтобы забрать

тебя в больницу. Ты оказался здесь уже через тридцать минут после аварии.

— А... — ко мне внезапно вернулось ее имя, — Сабрина сразу об этом узнала?

— Ага. Мы немедленно вылетели в Сизтл. Но ты был где-то в неведомых мирах — в отключке. Кое-кто думал, что ты умрешь.

— Я решил не умирать.

— Правильный выбор. Ангелов видел?

— Насколько я помню, ни одного.

— Видимо, они решили, что с тобой все в порядке.

— А был бы рад, если бы они со мной поговорили. Пожелали бы хоть хорошего дня...

— Наверняка они с тобой беседовали. Ты неделю провалялся без сознания.

— Что ж, вспомню позже.

Прежде чем Джефф ушел, я с ним попрощался. Затем снова отключился.